По поводу Московскихъ собачьихъ выставокъ.

„Это правда, это правда,
это правда все была".
(*Изъ пѣсни*).

Выставки, устроиваемыя въ Москвѣ «Императорскимъ Обществомъ размноженія охотничьихъ и промысловыхъ животныхъ и правильной охоты,» называемыя по обыкновенію, въ просторѣчіи, «собачьими выставками», имѣютъ, очевидно, свой прямой смыслъ и свое спеціальное значеніе.

Въ нихъ или на нихъ, между прочимъ, возбуждаются различные, болѣе или менѣе важные или серіезные вопросы, касающіеся самостоятельныхъ отраслей спорта, въ коихъ преимущественно требуется содѣйствіе собакъ той или другой породы.

Въ нихъ или на нихъ, этихъ выставкахъ, увидали мы и узнали много новаго, чего прежде не видѣли и совсѣмъ не знали. Многіе особые типы собакъ, о которыхъ мы знали только по названіямъ, выглянули и у насъ, въ Россіи, изъ своихъ отдаленныхъ заграничныхъ угловъ, украшенные богатыми, своими мѣстными, преміями и оплачиваемые баснословно большими нашими русскими, деньгами при ихъ куплѣхъ.

Все это, подчиняясь отчасти закону, что все далекое для насъ занимательно, а все давнее было, да и быльемъ поросло, и что стало-быть и толковать о немъ нечего, пробудило однакожъ и въ нашемъ обществѣ охотниковъ желаніе вспомнить о давно забытыхъ нашихъ прежнихъ охотахъ, затертыхъ ложными воззрѣніями на дѣйствительное высшее образованіе, правильное просвѣщеніе и интеллигенцію вообще, въ ея точномъ и правильномъ пониманіи.

Эти забытыя охоты были охоты разнообразныя, затѣйливыя и широкія: онѣ обставлялись чудными и мощными собаками, отвѣчавшими какъ нельзя болѣе, и нашимъ условіямъ мѣстнымъ, климатическимъ, и изобилію въ смѣлости, силѣ и богатырствѣ русскаго могучаго народа.

Результатомъ этихъ воспоминаній забытаго и неправильно-заброшеннаго было появленіе на выставкахъ, о которыхъ говоримъ, и нашихъ русскихъ собакъ стараго времени. И всѣ мы теперь смотримъ на нихъ, любуемся красотѣ ихъ и удивляемся цѣлесообразному, правильному развитію и постановкѣ ихъ внѣшнихъ физическихъ формъ, потребныхъ для различныхъ охотъ. Дѣло старое сдѣлалось для насъ дѣломъ новымъ. Въ настоящее время многіе изъ серіезнѣйшихъ современныхъ, истинныхъ любителей правильнаго спорта, принялись за изысканія породъ этихъ прежнихъ, временно-сошедшихъ со сцены собакъ. Дай Богъ успѣха ихъ полезнымъ, а слѣдовательно и вполнѣ похвальнымъ начинаніямъ.

Тѣже самыя «Московскія собачьи выставки», кромѣ ихъ спеціальныхъ охотничьихъ интересовъ, въ смыслѣ собакъ, имѣютъ еще и другіе интересы—людскіе. Объ нихъ-то и намѣренъ пишущій эти сроки поговорить немного съ благосклонными и снисходительными читателями. Контингентъ людей, составляющихъ непремѣнныхъ посѣтителей этихъ выставокъ, крайне разнообразенъ: онъ включаетъ въ себѣ всякаго рода сословія какъ по ихъ дѣятельности непосредственной, такъ и по общественному положенію. Тутъ есть все: люди по происхожденію знатные и полузнатные, заслуженные и никогда нигдѣ не служившіе, ученые и ничему не учившіеся; люди дѣла и бездѣлья, старые и молодые, богачи и бѣдняки, русскіе и иностранцы,—словомъ сказать: всѣ они вмѣстѣ представляютъ какую-то смѣсь «одеждъ, и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній.» Только одного между ними не достаетъ: это именно—евреевъ. Евреи, дѣйствительно, почему-то не любятъ никакихъ охотъ, ни съ собаками, ни безъ собакъ. Отчего-бы это могло происходить—не знаю; не изъ расчета-ли?—не думаю: вѣроятнѣе всего изъ боязни, что собака можетъ-быть укуситъ. Впрочемъ, эти послѣднія предположенія—ни къ чему: они, какъ говорится, пришлись къ слову...—И такъ, контингентъ охотниковъ, посѣщающихъ выставки, о которыхъ идетъ рѣчь, вообще пестръ, и личности, его составляющія, несходны между собою. Но вотъ что замѣчательно: вся эта пестрота и разнообразіе уничтожаются

самими собачьими выставками и изъ всего этого выходитъ что-то одно, общее и цѣльное, хорошее, пріятное—и не только для глазъ, смотрящихъ на все внѣшнее, видимое, но даже и для глазъ, видящихъ внутреннее—незримое.....

Здѣсь и, какъ кажется, только здѣсь, происходитъ полное единеніе личностей, приведеніе ихъ, такъ сказать, къ одному знаменателю; здѣсь каждый получаетъ право чувствовать себя самимъ; здѣсь все уравнивается, все нивелируется и—ничѣмъ другимъ,какъ только однимъ достоинствомъ собакъ, ихъ породностью и сравнительною красотою.

Сіятельные и даже многосіятельные графы и князья уравновѣшиваются вполнѣ съ какими нибудь простыми и темными смертными, напримѣръ, съ скромными и неимущими мѣщанчиками, если только собаки тѣхъ и другихъ одинаковы по внутреннимъ и внѣшнимъ своимъ качествамъ; бываютъ и, даже зачастую бываютъ, случаи, что послѣдніе становятся выше первыхъ. Знатность и богатство здѣсь чистѣйшіе нули.

Богачи и знатные остаются подчасъ незамѣченными большинствомъ съ своими плохими собаками, а бѣдняки, въ тоже время торжествуютъ надъ ними, благодаря выдающимся преимуществамъ своихъ собакъ. И всѣ тогда интересуются и смотрятъ на этихъ лучшихъ собакъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на владѣльцевъ ихъ съ пустыми карманами.

Спокойными, важными и горделивыми дѣлаются люди маленькіе; но въ тоже время нельзя не отнестись съ глубокимъ уваженіемъ къ благородной сдержанности,смиренію и покорности правдѣ, людей знатныхъ, богатыхъ и вообще большихъ, уважающихъ разумную и безпристрастную общественную оцѣнку. Но нѣтъ розы безъ шиповъ, точно такъ, какъ и нѣтъ правилъ безъ исключенія: прорываются конечно и здѣсь случаи выраженія недовольствій и несогласій, но это бываетъ вопервыхъ—не противъ общаго мнѣнія или большинства, а скорѣе противъ нѣкоторыхъ частныхъ взглядовъ не вѣрио-избранныхъ экспертовъ-судей, а вовторыхъ—не должно забывать также, что ошибка всегда была и будетъ возможна, и еще, что всѣмъ и всегда угодити невозможно. Въ эти минуты, т. е. когда дописывались вышеприведенныя строки, какъ-то невольно припомнились слова нашего даровитѣйшаго ученаго, профессора Московскаго Университета, нынѣ уже покойнаго, Карла Францевича Рулье: «велик ъ жук ъ и мал ъ боабаб ъ» — этими словами онъ заключилъ одну изъ чудныхъ статей своихъ, помѣщенныхъ въ издававшемся имъ «Вѣстникѣ естественныхъ наукъ»; въ

ней онъ между прочимъ проводилъ сравненіе двухъ, повидимому совершенно различныхъ, организмовъ.

Да! великъ былъ и самъ покойный, какъ мыслитель-писатель и какъ двигатель только-что возрождавшихся у насъ, въ его время, потребностей къ разработкѣ естественныхъ наукъ на прочныхъ началахъ, и въ тоже время онъ былъ малъ, какъ человѣкъ внѣшнихъ отношеній въ дѣлѣ, гдѣ играетъ весьма часто очень важную роль не самая суть ученаго труды, а формальность или форменность—какъ хотите.... Эти воспоминанія о Карлѣ Францевичѣ вызваны душевнымъ долгомъ, пробуждающимъ память сердца, или, иначе говоря, благодарность во всѣхъ, знавшихъ его близко и въ особенности въ тѣхъ, которые имѣли счастіе пользоваться его дружескими учеными указаніями и совѣтами, какъ профессора-учителя и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ художника. Миръ-же праху твоему, прелестнѣйшій изъ людей и всѣми любимый Карлъ Францевичъ!

Обратимся теперь къ другой сторонѣ полезнаго дѣйствія нашихъ Московскихъ «собачьихъ выставокъ.» Въ нихъ проявляется нѣкоторая особая энерго-возбудительная сила, дѣйствующая одинаково почти на всѣхъ, принимающихъ живое участіе въ дѣлахъ охотничьихъ интересовъ. Тутъ многіе дѣлаются совершенно неузнаваемы. Одни, всегда спокойные, тихіе и осторожные, въ своей обыденной-нормальной жизни мало-говорящіе и много-думающіе, становятся вдругъ подвижными до излишества, шумливыми: они быстро кидаютъ свои взгляды на все ихъ окружающее и высказываютъ затѣмъ крайне рѣшительно свои поспѣшныя заключенія. Другіе, проникнутые съ головы до ногъ высоко-свѣтскими утонченными пріемами и манерами, съ рѣчами мѣрными и гармоническими, въ многоцѣннѣйшихъ одѣяніяхъ, съ шубами на плечахъ, снабженными воротниками самаго высшаго дипломатическаго вида, прикрывающими и ограждающими ихъ чистыя, блѣдныя и красивыя лица, какъ святыню, отъ всякихъ возможныхъ, даже малѣйшихъ внѣшнихъ причинъ, могущихъ вредно повліять на чудный и благородный матъ ихъ личной кожи; съ головными уборами, которые, въ большинствѣ случаевъ, состоятъ изъ очень дорогихъ и объемистыхъ мѣховыхъ шапокъ, затѣйливо утверждаемыхъ на мѣстахъ своего назначенія,—и эти другіе.... что-же совершается съ ними, этими другими ревнителями охоты на «собачьихъ выставкахъ?»

Ихъ тихія, сдержанныя и высоко-свѣтскія манеры исчезаютъ и, взамѣнъ того, являются пріемы и движенія болѣе

грубые и болѣе свободные; ихъ нѣжная и мѣрная рѣчь обращается въ рѣзкую и громкую; они спорятъ и кричатъ, размахиваютъ руками, иногда даже очень неосторожно, вслѣдствіе чего, въ видѣ извиненія, бываетъ надобность призывать на выручку французское слово „pardon“. И это въ особенности случается тогда, когда дѣло касается неправильнаго опредѣленія происхожденія баснословно-дорого цѣнимыхъ, псовыхъ сукъ и кобелей. Такъ между прочимъ былъ серьезнѣйшій споръ, по поводу псоваго кобеля «Азарного,» рожденнаго, по заявленію его экспонента, отъ нѣкотораго знаменитаго кобеля-отца «Нахала» и матери-суки «Вихры», ведущей, яко-бы, свои ближайшіе роды отъ суки «Модестки», замѣчательной по небывалой комкости лапъ, чудной правильности щипца и невиданной постановкѣ на затылкѣ ушей. Эта послѣдняя сука составляла, по увѣренію одного изъ старѣйшихъ борзятниковъ, славу и гордость далекаго прошлаго, благодаря безпримѣрной злобности, броскамъ и другимъ рѣдко видимымъ въ настоящее время свойствамъ борзыхъ собакъ. И она — эта сука «Модестка», по заявленію того же старѣйшаго повѣствователя, была взята к о д в о р у, и куда теперь забѣдьсили крови «Модестки» — никто не знаетъ. Вотъ почему происхожденіе «Азарного», вызвавшее горячія пререканія, и признано было многими изъ знатоковъ борзого собачьяго дѣла, не только за невѣрное, но даже и за фальшивое.....

Затѣмъ, многоуважаемые посѣтители выставки, которымъ посвящаются эти послѣднія строки, увлеченные страстью къ интересующему ихъ дѣлу, забываютъ уже совсѣмъ весь общій внѣшній видъ свой, не исключая и благообразныхъ лицъ, на отдѣлку коихъ употреблено, по всей вѣроятности, немало и времени и денегъ; вслѣдствіе этого дорогія шубы ихъ оказываются далеко съѣхавшими съ плечъ, а самые многоцѣнные воротники, служившіе прежде охраною нѣжнѣйшихъ частей ихъ экстеріера, спущенными очень и даже очень низко... шапки ихъ тутъ измѣняютъ также свое изящное расположеніе: онѣ, у большинства, почему-то заламываются къ заду — почти на самый затылокъ. Костюмная часть, на «собачьихъ выставкахъ» не остается также въ небреженіи: тутъ можно видѣть бурки кавказскія, дохи и ергаки сибирскіе, архалуки азіатскіе, казакины казацкіе и разнаго рода венгерки, особо-затѣйливо убранныя и обшитыя шнурами по самымъ сложнымъ и разнообразнымъ рисункамъ, напоминающимъ старинные, классическіе, архитектурные орнаменты. Но все это падаетъ передъ нѣкоторыми единичными, выдающимися явленіями, бросающимися въ глаза и заставляющими ихъ поне-

волѣ, какъ говорится, «вытаращивать». Укажу на слѣдующій случай: я встрѣтилъ на выставкѣ одного моего знакомаго очень хорошаго и милаго человѣка, очень обстоятельнаго и достигшаго уже того возраста, когда почти всѣ члены организма заставляютъ себя чувствовать, вслѣдствіе чего онъ, по обыкновенію, одѣвался очень тепло, какъ говорится «кутался» и въ особенности онъ охранялъ отъ холоду свои зябкія ноги, страдавшія, отъ времени до времени, хроническимъ ревматизмомъ, заставлявшимъ его ходить осторожно, тихо и даже прихрамывать. И что-же? Этотъ самый мой милый и почтенный знакомый предсталъ предо мною, какъ-то вдругъ и совершенно неожиданно, положительнымъ «козыремъ». Онъ былъ въ дорогихъ новыхъ охотничьихъ сапогахъ, перехваченныхъ ремнемъ ниже колѣнъ, въ затѣйливомъ коротенькомъ казакинѣ, затянутомъ кавказскимъ поясомъ, унизаннымъ дорогимъ серебрянымъ наборомъ, въ бѣлой папахѣ на головѣ величайшаго роста и, въ заключеніе, съ огромнымъ кинжаломъ, въ серебряныхъ ножнахъ, расположеннымъ поперекъ живота. При этой встрѣчѣ какъ-то невольно сорвалось восклицаніе: «Что это вы, батюшка, Иванъ Ивановичъ!» (такъ зовутъ моего любезнаго и почтеннаго знакомаго).—«А что-же», отвѣчалъ онъ, «нельзя—вѣдь теперь собачья выставка!»—Затѣмъ, оглянувъ свою арматуру въ серебряныхъ ножнахъ, и, проведя по ней какъ-то ласкательно рукою, дополнилъ:—«У меня этого всякаго добра много».

Въ это время къ намъ подошелъ какой-то неизвѣстный мнѣ, очень важный и съ внушительнымъ видомъ господинъ, и я долженъ былъ разстаться съ Иваномъ Ивановичемъ... И долго послѣ смотрѣлъ я на него и дивился его молодецкой и твердой походкѣ, соединенной съ нѣкоторымъ покачиваніемъ изъ стороны въ сторону: но только одно: показалось мнѣ, что ноги у Ивана Ивановича, по сравнительной ихъ тонкости, не вполнѣ отвѣчали довольно грузному туловищу, вмѣщавшему въ себя его грудь и животъ. А впрочемъ это кажущееся обстоятельство могло происходить и отъ новыхъ охотничьихъ сапогъ, сшитыхъ по особому франтовскому нѣмецкому закрою...

Такъ вотъ какія временныя измѣненія могутъ дѣлать «московскія собачьи выставки» съ нашимъ братомъ человѣкомъ охотникомъ.

Когда я заканчивалъ эти краткіе эскизные очерки личныхъ впечатлѣній, вызванныхъ постоянными посѣщеніями выставки «Императорскаго Общества правильной охоты», предо мною

всталъ одинъ, очень вѣрный, но недостаточно уясненный вопросъ:—«Что воздѣйствія, оказываемыя на охотниковъ московскими выставками, одинаково-ли проявляются и во всѣхъ другихъ, подобныхъ же учрежденіяхъ, устроиваемыхъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, или же первыя составляютъ нѣчто особое—исключительное?

Судя по слухамъ, московскія выставки представляютъ явленіе въ нѣкоторомъ смыслѣ своеобразное и исключительное, какъ относительно допущенія принциповъ общенія, такъ, равнымъ образомъ, и въ доставленіи одинаковости правъ свободы въ дѣйствіяхъ всѣмъ экспонентамъ, кто бы они ни были...

Впрочемъ тутъ удивляться нечему: Москва была, есть, и будетъ всегда начинательницею всего добраго, хорошаго, а главное—истинно русскаго и народнаго. Это можетъ подтвердить все ея историческое прошлое...

Александръ Михайловъ.